

УДК 81'367.332.3

ПРОБЛЕМЫ ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГЛАГОЛА

О.С. Абдыкаимова, А.К. Мырзалымбекова

Рассматривается так называемая вербоцентрическая теория предложения, которая объявляет глагол в позиции сказуемого, в качестве структурно-грамматической единицы доминирующим членом предложения. Результатом анализа является то, что общая грамматическая категория глагольного времени проявляется в английском языке через шестнадцать частных глагольно-временных форм, в кыргызском – через девять таких частных глагольно-временных форм.

Ключевые слова: вербоцентрическая теория предложения; вербоцентрическая теория глагола; глагольно-временная форма; глагол-сказуемое; языковая единица; лингвистические критерии.

ЭТИШТИН ВЕРБАЛДЫК БОРБОРДУК ТЕОРИЯСЫ

О.С. Абдыкаимова, А.К. Мырзалымбекова

Бул макалада сүйлөмдүн вербалдык борбордук теориясы каралат, бул теория боюнча этиш баяндоочтун ролунда, түзүмдүк-грамматикалык бирдик катары сүйлөмдүн үстөмдүк кылуучу мүчөсү болуп эсептелет. Талдоо жүргүзүүнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, этиштин чагынын жалпы грамматикалык категориясы англис тилинде этиштин он алты жеке чак формасы аркылуу, кыргыз тилинде этиштин тогуз ушундай жеке чак формасы аркылуу чагылдырылат.

Түйүндүү сөздөр: сүйлөмдүн вербалдык борбордук теориясы; этиштин вербалдык борбордук теориясы; этиштин чак формасы; этиш-баяндооч; тил бирдиги; лингвистикалык критерийлер.

PROBLEMS OF VERBOCENTRIC VERB THEORY

O.S. Abdykaimova, A.K. Myrzalymbekova

This article discusses the so-called verbocentric theory of the sentence, which declares the verb in the position of the predicate as a structural-grammatical unit as the dominant member of the sentence. The result of the analysis is that the general grammatical category of the verb tense appears in English through sixteen private verb-tense forms, in Kyrgyz - through nine such private verb-tense forms.

Keywords: verbocentric sentence theory; verbocentric verb theory; verb-tense form; verb-predicate; linguistic unit; linguistic criteria.

Обсуждение проблем вербоцентрической теории предложения связано прежде всего с глагольно-временными формами в английском и кыргызском языках. Поскольку глагол здесь является основной составляющей, то для нас представляют несомненный интерес его место и значимость в синтаксической структуре предложения, в нашем случае английского и кыргызского языков.

Лингвистический статус глагола в структуре предложения обусловлен частеречной предназначенностью глагола в своей основной функции занимать синтаксическую позицию сказуемого; отсюда и возникновение составного термина «глагол-сказуемое», который часто используется в грамматических исследованиях.

Языковая единица глагол, определяемый как «...часть речи, выражающая грамматическое

значение действия (т. е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого» [1, с. 101], проявляет в структуре предложения различные грамматические признаки, которые позволяют уточнить его место в означенной структуре.

Уточнение места глагола как эксплицированного сказуемого приводит к постановке и разрешению тривиального вопроса: что главное в синтаксической структуре предложения – глагол-сказуемое или же подлежащее?

Они оба: глагол-сказуемое и подлежащее являются главными членами предложения во всех известных языках. Но какой из них главнее – этот вопрос является до сего времени дискутируемым и не полностью разрешённым. В прямом соответствии с обозначенными двумя главными членами предложения в современном языкознании имеются две точки зрения на разрешение данной проблемы.

Одна группа учёных независимо от языка изучения считает главный член предложения – подлежащее – главным и независимым от других членов предложения, в первую очередь от глагола-сказуемого. Например, известный англист А.И. Смирницкий пишет по этому вопросу: «Поскольку подлежащее указывает на то, к чему относится предикат и предикация, выраженная в сказуемом, само сказуемое оказывается подчиненным подлежащему. Подлежащее представляет собой, таким образом, структурный центр предложения, который грамматически и структурно доминирует над сказуемым. В то время как сказуемое зависит от подлежащего и формально ему подчинено, подлежащее не зависит ни от сказуемого, ни от какого-либо другого члена предложения. Так, например, в предложении *I see a man in the street. Я вижу какого-то человека на улице*, все слова, кроме *I*, зависят от сказуемого *see*; но *see*, в свою очередь, подчинено подлежащему *I*. Это становится ясным, если заменить местоимение *I* каким-нибудь местоимением третьего лица единственного числа; в этом случае изменится и форма сказуемого; *He sees a man in the street* [2, с. 137–138; 3, с. 244; 4, с. 191–192].

Точно такая же точка зрения высказывается в тюркологии, в частности в кыргызском языкознании.

«Главные члены предложения являются взаимосвязанными грамматическими категориями. Один из них – подлежащее – является синтаксической категорией, грамматически независимой от других членов предложения, выступающей как определённое лицо или предмет, явление и т. д., о котором идёт речь, и обладающей каким-либо признаком, качеством, количеством, действием и т. п., выраженным сказуемым. Другой – сказуемое – является синтаксической категорией, грамматически зависимой от подлежащего и выражающей его действие, состояние, признак, качество, количество и т. д.» [5, с. 54].

Верифицируем последнее высказывание на фактическом материале кыргызского языка:

а/ Жакындан бери почточу Курман көчөнүн бери башындагы эки үйгө жолобой, шашылган болуп четтен чабат [6].

В приведённом примере *а/* в качестве подлежащего задействована определительная группа «*почточу Курман*», а в качестве сказуемого – объектная группа «*четтен чабат*». Подлежащее представляется в указанном примере независимым членом предложения, поскольку оно, выражаясь независимым именительным падежом существительных (атооч жөндөмө), как бы главенствует в структуре предложения не только в смысловом отношении, но и грамматически. К примеру, если заменить данную определенную группу «*почточу Курман*» на местоимение I лица единственного числа «*мен*», то мы получаем и трансформацию глагольного сказуемого «*чабат*» на «*чабам*», что означает якобы зависимый от подлежащего характер сказуемого.

Однако имеется другая точка зрения, так называемая вербоцентрическая теория предложения, которая объявляет глагол в позиции сказуемого в качестве структурно-грамматической единицы доминирующим членом предложения. «Глагол объявляется абсолютно господствующим членом, ему подчинены существительные, которым в свою очередь подчинены прилагательные. Они образуют свои узлы ... Структурные отношения отличаются от семантических. Они направлены в противоположные стороны.

Структурно господствующий член может оказаться семантически управляемым, если основная информация заключена в зависимом члене. В предложении *Le signal vert indigue la voire libre* основной смысл выражен прилагательным, зависящим от имён [7, с. 28–29; 8, с. 282–283].

Одним из основных критериев выдвижения глагола-сказуемого во главу угла в структуре предложения лингвисты считают тот факт, что без глагола-сказуемого не существует предикативного предложения.

Вернёмся назад и акцентируем, что критериями главенствующей роли подлежащих в грамматической структуре предложения являются три момента: 1/ подлежащее, в позиции которого выступает существительное, местоимение или другое субстантивированное слово, независимо ни от каких других членов предложения; 2/ существительные, местоимение или другое субстантивированное слово обычно стоит в самом «независимом» именительном падеже в структуре предложения; 3/ подлежащее обычно обозначает субъект предложения, который семантически превалирует в смысле предложения [2, с. 138–139; 5, с. 55–56].

У глагола мы насчитали пять лингвистических критериев, посредством которых глагол как часть речи в синтаксической позиции сказуемого объявляется главным, доминирующим и превалирующим членом предложения в синтаксической структуре предложения.

Во-первых, именно глагол-сказуемое, соотносясь с подлежащим, относит содержание предложения, равно данный предмет мысли к действительности и таким образом обладает категорией предикативности или предикации. С этих позиций глагол в позиции сказуемого подразделяется на два вида: а/ глагол полной предикации, т. е. полнозначный глагол, самостоятельно выступающий в функции сказуемого; и б/ глагол неполной предикации, т. е. глагол, функционирующий в качестве связи в составном сказуемом [9, с. 103–114].

Во-вторых, глагол-сказуемое несёт в себе основную смысловую нагрузку в семантической структуре предложения, обозначая качества, свойства, признаки, действия и состояние предмета речи; без него подлежащее, выражающее

предмет речи, теряет всякую семантическую ценность, превращаясь в обыкновенное существительное, не соотносящееся с действительностью [10, с. 43–44].

В-третьих, семантическая релевантность и самодостаточность глагола-сказуемого проявляется в его способности и в структурно-грамматическом отношении влиять на все второстепенные члены предложения, которые могут входить в группу сказуемого, и в грамматико-семантическом отношении быть ему подчинёнными. Так, в рассматриваемых языках – английском и кыргызском – глаголы-сказуемые могут группировать вокруг себя все второстепенные члены предложения: дополнения, обстоятельство и определение, в то время как существительное в позиции подлежащего может присоединять к себе только определение [11, с. 243–244].

В-четвёртых, структурно-грамматическое влияние глагола-сказуемого на все второстепенные члены предложения трансформируется в валентности свойства глагола, который предстаёт как основной носитель валентности и в качестве такового присоединяет к себе и управляет почти всеми прочими полнозначными и неполнозначными частеречными словами: существительными, прилагательными, предлогами и послелогами и др. [12, с. 202–203].

И, в-пятых, собственно структурно-синтаксическая самодостаточность глагола-сказуемого, реализующегося через так называемые безличные предложения или предложения с формальными, или неопределённо-личными, или неопределёнными подлежащими, позволяет считать глагол-сказуемое главенствующим в структуре предложения членом, поскольку оказывается, что для коммуникативного функционирования предложения-высказывания категории подлежащего может и не понадобиться, т. е. можно обойтись в высказывании и без полнозначного подлежащего (предложения с формальным подлежащим, с неопределённо-личным подлежащим, с неопределённым подлежащим) и даже без подлежащего вообще (безличное предложение) [13, с. 111–112].

Мы присоединяемся ко второй точке зрения о главенствующем положении глагола-сказуемого в структуре предложения, этому

способствовали вышевысказанные наши суждения о том, что глагол-сказуемое имеет больше оснований для его выделения в качестве доминирующего члена предложения, нежели подлежащее: было определено пять таких оснований у глагола-сказуемого, в то же время как у подлежащего только три основания.

И к тому же за принятие нами такого решения о превалирующей роли глагола в структуре предложения способствовал также тот факт, что глагол, занимающий преимущественно позицию сказуемого в обоих анализируемых языках: английском и киргызском – обладает большим количеством грамматических категорий, нежели имя существительное, занимающее в обоих анализируемых языках позицию подлежащего. Так, в английском языке «грамматическими категориями глагола, выражающимися в формах словоизменения и словообразования, являются категории лица, числа, вида, времени, наклонения и залога. Кроме того, глагол в современном английском языке имеет грамматические значения переходности или непереходности, а также значения видового характера» [3, с. 73].

Против шести полнозначных категорий в английском языке: лица, числа, времени, наклонения и залога; и двух полукатегориальных явлений: переходности – непереходности, а также значения видового характера в английском языке наличествуют и им противостоят только две таковые имени существительного: «Имени существительному в английском языке присущи следующие грамматические категории: категория числа и категория падежа» [3, с. 26].

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в киргызском языке, где грамматические категории глагола доминируют в количественном отношении: «Глагольное действие в составе предложения проявляется в спрягаемых глаголах, в которых отражаются и выражаются основные глагольные категории – наклонения, времени, лица, числа и залога ... К общим признакам следует отнести также семантику процессуальности и способ образования отрицательного аспекта» [11, с. 207; 12, с. 57–58; 13, с. 115].

Вышеуказанным грамматическим категориям глагола – наклонения, времени, лица, числа, залога, процессуальности

и отрицательности – противостоят в киргызском языке только четыре грамматические категории существительного: «В современном киргызском языке имена существительные обладают грамматическими категориями падежа, числа, принадлежности и сказуемости» [11, с. 113; 12, с. 28–29].

Да и к тому же следует иметь в виду, что данные общие грамматические категории глаголов в нашем случае подразделяются в своей категориальной системе на частные грамматические категории.

Таким образом, общая грамматическая категория глагольного времени проявляется в английском языке через шестнадцать частных глагольно-временных форм, в киргызском – через девять таких частных глагольно-временных форм.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1957. 286 с.
3. *Жигалдо В.Н.* Современный английский язык. Теоретический курс грамматики: учебник / В.Н. Жигалдо, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1956. 350 с.
4. *Иванова И.П.* Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
5. *Джапаров А.* Главные члены предложения в современном киргызском языке / А. Джапаров. Фрунзе: Мектеп, 1964. 272 с.
6. *Айтматов Ч.Т.* Чыгармалардын жыйнагы. Т. 1. Повесттер, ангемелер / Ч.Т. Айтматов. Бишкек: Бийиктик, 2008. 380 б.
7. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак. М.: Высшая школа, 1981. 208 с.
8. Историко-типологическая морфология германских языков: Категория глагола / ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1977. 296 с.
9. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
10. *Абрамов Б.А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учебн. для студ.

- вузов / Б.А. Абрамов. М.: Гуман. изд. центр «ВЛАДОС», 2001. 288 с.
11. *Биялиев К.А.* Кыргызский язык: учеб. пособ. / К.А. Биялиев. Бишкек: Раритет-Инфо, 2003. 128 с.
12. *Степанова М.Д.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. М.: Высшая школа, 1978. 258 с.
13. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. Л.: Наука, 1988. 239 с.